

—

Чэнь Чуян впервые ужинал в доме второго дяди. Перед ужином он немного нервничал, опасаясь, что в доме дяди строгие правила, и он может что-то сделать не так.

Когда начался ужин, Чэнь Чуян обнаружил, что за столом у дяди не было правила молчать во время еды. Напротив, все весело разговаривали, и все о нем заботились. Прежде чем взять палочки, они положили ему еду, и он постепенно перестал нервничать.

Для клейкого риса не нужно много ингредиентов, достаточно картофеля и кусочков вяленого мяса. А если добавить чесночных побегов перед готовностью, аромат станет еще сильнее.

На стол поставили большую миску клейкого риса. От одного аромата уже разыгрывался аппетит. Рядом стояла большая миска тушеного супа и прозрачного бульона. Если еда надоедала, можно было выпить бульон. Вся семья сидела вместе и ела около получаса.

После еды госпожа Лю начала торопить их, веля скорее идти домой собирать вещи. Она и вторая невестка должны были закончить с цыба, прежде чем вернуться.

Когда они вернулись, за ними последовал и второй дядя. Поскольку завтра им предстояла долгая дорога, дядя хотел помочь Лю Цюньфэну подковать мула. Один он бы не справился.

Придя домой, Лю Цюньфэн велел Чэнь Чуяну собирать вещи, а сам со вторым дядей пошел к загону для скота.

Семья Лю не держала свиней. В нескольких загонах для скота они держали только высокого и сильного иссиня-черного мула. Лю Цюньфэн купил его сам на скотном рынке. Он хотел купить лошадь, но, придя на рынок, сразу обратил внимание на этого мула.

Дачэн тогда отговаривал его, говоря, что по мулу видно, что у него скверный нрав.

Дачэн не ошибся, нрав у мула действительно был плохой. Лю Юньфэн дважды получал от него пинок. Если бы Лю Цюньфэн не помешал, его давно бы продали.

Проход к загону для мула был узкий. Второй дядя ждал снаружи, а Лю Цюньфэн вошел один.

Войдя, Лю Цюньфэн погладил мула по голове. «Малыш, завтра тебе снова придется потрудиться». Этому мулу было всего четыре года, он был еще молод, и его действительно можно было назвать малышом.

Мул, обычно такой свирепый с другими, был невероятно послушен с Лю Цюньфэном. Словно понимая слова хозяина, он подставлял нос под протянутую руку, обнюхивая ее и фыркая.

Лю Цюньфэн похлопал его по голове. «Сегодня вечером дам тебе чего-нибудь вкусного». Завтра им предстояло везти много вещей по горным дорогам, поэтому нужно было хорошо покормить животное. Помимо сена, ему приготовили и кукурузное зерно.

Пока Лю Цюньфэн и второй дядя подковывали мула, Чэнь Чуян не пошел собирать вещи. Он хотел наколоть дров для госпожи Лю, но в деревянном сарае обнаружил, что дров еще много. Тогда он решил принести воды.

В семье Лю не было своего колодца, но источник воды был недалеко, а поскольку в доме не было скота, одного бака воды хватало на пять-шесть дней. Если наполнить бак полностью, его матери не придется ходить за водой.

Ведра для воды были большими. Чэнь Чуян не мог унести два полных ведра, поэтому он наполнял их только наполовину. Чтобы наполнить бак, ему нужно было сбегать шесть или семь раз.

Лю Цюньфэн и второй дядя работали быстро. Когда Чэнь Чуян вернулся со второй ходкой, они уже закончили.

Лю Цюньфэн велел Чэнь Чуяну собирать вещи, и, когда он увидел его с ведрами, Чэнь Чуян поспешно объяснил: «Наши вещи быстро соберутся. Я переживаю, что мы задержимся у дяди, и хочу наполнить бак для мамы».

Раньше Чэнь Чуян думал, что они съезжат к дяде за один день и вернутся в тот же вечер, но только сегодня днем узнал, что дом дяди находится далеко, и дорога в один конец занимает целых четыре часа.

Такое дальнейшее расстояние означает, что они не смогут вернуться на следующий день. Если они останутся на два дня, нужно подготовить дрова и воду для мамы.

«Ты более внимательный. Дай мне ведра, а ты иди собирай вещи». Лю Цюньфэн без лишних слов взял ведра и сам пошел за водой, не позволяя Чэнь Чуяну заниматься этой работой.

Второй дядя только что стоял неподалёку. Теперь, когда Лю Цюньфэн ушёл, ему, естественно, пришлось идти домой. Но перед уходом он посмотрел на Лю Цюньфэна и долго смеялся, и никто не понял, чему он смеётся.

Лю Цюньфэн был высокий и сильный, он наполнял ведра до краев. За две ходки бак был полон, но на всякий случай он сбегал еще раз.

Он сам не ездил к дяде много лет и боялся, что дядя не отпустит его, если он туда пойдёт, поэтому ему придётся остаться ещё на два дня. Чтобы матери не пришлось самой ходить за водой, он принес лишних два ведра.

Когда Лю Цюньфэн вернулся, в последний раз принеся воды, у него было недовольное лицо. Чэнь Чуян, который теперь не так сильно его боялся, спросил, что случилось. Лю Цюньфэн бросил взгляд в сторону деревни и сердито сказал: «Встретил старую собаку, которая только и знает, что лает».

«...» Снова ругается.

Хотя после раздела семья Лю стала не такой богатой, как раньше, она все равно жила лучше большинства других семей в деревне. За исключением второго дяди, у них по-прежнему было больше всех земли и достаток.

Но некоторые люди просто не выносят чужого успеха.

Лю Цюньфэн только что встретил младшую тетю. Увидев, что он сам ходит за водой, она посмеялась над ним, намекая, что пришел конец его жизни молодого господина и теперь он должен делать все сам.

Лю Цюньфэн знал, почему она торжествует. Он решил, что пусть себе хвастается. Раз уж она не хочет быть хорошей родственницей, у него есть способы ей досадить.

Он посмотрел в сторону родового поля и подумал, что прошло уже два дня. С таким количеством рабочих рук все насыпи должны быть готовы максимум через два дня. Вот тогда будет на что посмотреть.

Вечером, когда госпожа Лю вернулась, она принесла несколько стопок цыба, завернутых в промасленную бумагу. Днем Лю Цюньфэн и Чэнь Чуян купили конфеты и пирожные. Она сложила всю еду вместе, чтобы не забыть утром.

Начался десятый лунный месяц, дни стали короче. В час суй (19:00 – 21:00) уже стемнело, а луна была тусклой, так что вскоре вокруг стало совсем темно, ничего не было видно.

Было темно, и ещё не время греться у огня, поэтому было естественно умыться и лечь спать. Госпожа Лю, которая прошлой ночью долго не могла уснуть, сегодня легко погрузилась в глубокий сон. Но за стеной, отделявшей ее от сына, Чэнь Чуян и Лю Цюньфэн не спали.

Лю Цюньфэн все еще думал и планировал дела по дому. А Чэнь Чуян, по привычке, всегда плохо спал накануне долгой дороги.

Оба заметили, что другой человек не спит. Неизвестно, кто начал, но они медленно

разговорились. Конечно, в основном говорил Лю Цюньфэн, а Чэнь Чуян терпеливо слушал, так как муж рассказывал ему о семьях своих дядей по материнской линии.

Он даже не заметил, когда пришла сонливость. Когда Чэнь Чуян начал отвечать только невнятными звуками, Лю Цюньфэн замолчал. Он протянул руку, нежно коснулся его плеча и тихо сказал: «Спи. Завтра будет очень утомительный день».

Когда он закончил говорить, его рука соскользнула со плеча на руку. Слегка сжав ее, Лю Цюньфэн подумал, что после четырёх часов ходьбы по горной дороге его ослабевшие руки и ноги не утомятся ли настолько, что он заплачет.

Почувствовав, как сжали его руку, Чэнь Чуян не отреагировал, лишь смутно услышал, что кто-то рядом с ним говорит. Засыпая, он все же не забыл ответить.

«М-м». После этого тихого ответа Чэнь Чуян погрузился в глубокий сон, который продлился до самого утра.

На следующее утро Лю Цюньфэн проснулся рано и разбудил того, кто спал рядом. Дни были короткими, а дорога длинной, поэтому им нужно было выйти пораньше, чтобы не попасть в какую-нибудь неприятность по пути и не прийти к дяде, когда уже стемнеет.

Когда Чэнь Чуян проснулся, он невольно взглянул в окно. Не заметив никакого света, он понял, что ещё рано, но послушно сел. Он зевнул, одеваясь, и только полностью одевшись и проснувшись, отреагировал запоздалым удивлением.

Глядя на быстрые движения Лю Цюньфэна рядом с собой, Чэнь Чуян был озадачен. Неужели этому молодому господину из богатой семьи тоже нужно рано вставать? Он проснулся в такой час, и выглядел так, будто привык к этому.

Удивление Чэнь Чуяна было недолгим, потому что госпожа Лю встала еще раньше и уже приготовила завтрак. Она звала их есть из главной комнаты.

Поскольку им предстояла долгая дорога, даже в такую рань госпожа Лю приготовила им рис и жареное мясо, а также испекла несколько лепешек и приготовила вяленое мясо в качестве сухого пайка.

Лю Цюньфэн часто путешествовал, поэтому у него была своя фляга. Госпожа Лю знала, что по дороге есть несколько чистых горных источников, где можно пополнить запас воды. Фляга была довольно большой. Если наполнить её дома, воды хватило бы на двоих до следующего источника, поэтому она не стала готовить флягу для Чэнь Чуяна.

Они позавтракали, когда еще не рассвело. Лю Цюньфэн вывел мула, напоил его водой и начал навьючивать.

Вещей, которые им нужно было взять, было много и они были разнородными. Поэтому он сначала надел на мула седло и прикрепил корзины. Так вещи не падали, а мулу было удобнее. Корзины были сплетены из бамбуковых прутьев, и у семьи Лю было несколько пар разных размеров.

Сам Лю Цюньфэн надел небольшой короб, в котором был их сухой паек и вода. Он нес его сам, чтобы было удобнее пить и есть.

Перед самым отъездом госпожа Лю снова дала им наставления, попросив не спешить и отдыхать, когда устанут. Поскольку они выехали рано, они точно должны добраться до дома дяди до темноты.

«Мама, мы знаем. Не волнуйся».

«Мама, мы пошли».

Дом дяди Сюя находился высоко в горах на юго-востоке от деревни. Выйдя из деревни, они пошли на юг. Этот участок дороги был довольно ровным, но примерно через четверть часа им нужно было начинать подъем. Дальше дорога становилась утомительной.

Горная дорога была тяжелой, но, к счастью, к тому времени, когда они начали подъем, уже рассвело.

Поднимаясь по склону горы, они встречали все меньше домов. Примерно через четверть часа перед ними показалась большая дорога. Вступив на широкую дорогу, Чэнь Чуян услышал, как Лю Цюньфэн глубоко вздохнул, и его лицо стало более расслабленным.

«Отсюда дорога будет такой же широкой. Примерно через полчаса будет деревня, это единственная деревня по пути. Как только мы выйдем из нее, начнутся извилистые горные тропы, и тогда будет тяжело». Лю Цюньфэн явно готовил Чэнь Чуяна к предстоящему пути.

Чэнь Чуян совсем не боялся ни подъема, ни дороги. Он улыбнулся и покачал головой, показывая, что не боится.

Видя, что идущий впереди человек все еще улыбается, Лю Цюньфэн тоже засмеялся, хотя эта улыбка не была обычной.

В десятом месяце придорожных полевых цветов стало меньше. Виднелись только дикие хризантемы и одуванчики, но цветы камыша, колышущиеся в зарослях по обе стороны дороги, стали своеобразной осенней картиной.

Когда подул ветерок, большие заросли камыша задвигались, как кивающие цветы, поднимая настроение. Чэнь Чуян, покачивая головой, даже начал тихонько напевать.

В горах воздух был чистый и ароматный, что дарит людям ощущение свежести. Идя впереди, Чэнь Чуян даже находил время собирать придорожные дикие цветы. Вскоре в его руке был букет диких хризантем, в котором даже торчало два камыша.

Глядя на эту веселую фигуру, Лю Цюньфэн невольно посмотрел вдаль. Как говорится, «смотришь на горы — ноги устают». Но он, глядя вдаль, еще не мог увидеть, где находится дом дяди. Им еще предстояло долго идти.

Дорога, по которой они шли, была широкой и ровной, почти без подъемов, поэтому идти полчаса было не так уж тяжело.

Придя в деревню, о которой говорил Лю Цюньфэн, он попросил Чэнь Чуяна подождать на обочине, а сам, как знаток, нырнул в один из домов. Когда он вышел, в руке у него была корзина с красными сливами.

«Ешь, они очень сладкие». Лю Цюньфэн протянул ему сливы и слегка наклонился. Когда Чэнь Чуян взял несколько слив, он предложил ему положить корзину ему на спину.

Руки Чэнь Чуяна были пусты. Он не послушал Лю Цюньфэна. «Я понесу».

Корзина была нетяжелой, и Лю Цюньфэн не стал настаивать: «Ладно, положишь ее ко мне, когда устанешь».

«Хорошо», — Чэнь Чуян ответил решительно, не придавая этому значения. Он не знал, что когда человек устает, один цзинь груза в руках может ощущаться как десять или двадцать цзиней, и он просто не сможет его нести.

Выйдя из деревни, дорога стала не только узкой, но и неровной, начался крутой подъем — точь-в-точь, как предупреждал Лю Цюньфэн.

Подъем был очень утомительным. Примерно через полчаса Чэнь Чуян замедлил шаг и, идя, начал хвататься свободными руками за придорожные камни и ветки, чтобы держаться.

Видя, что он устал, Лю Цюньфэн остановился, чтобы дать ему и мулу отдохнуть.

Независимо от того, идет ли речь о муле или лошади, во время пути им необходимо надевать намордник, чтобы они не ели траву на обочине дороги и не задерживали путешествие.

Лю Цюньфэн снял намордник с мула и попросил Чэнь Чуяна отдать ему корзину. Чэнь Чуян немного колебался, но покачал головой: «Я справлюсь».

После отказа Чэнь Чуян протянул корзину к Лю Цюньфэну, намекая, что, если съесть немного

содержимого, станет легче.

Видя, что человек упрям, несмотря на усталость, Лю Цюньфэн не стал настаивать, а просто взял большую горсть слив.

После короткого отдыха им нужно было продолжать путь. Теперь Чэнь Чуян уже не мог любоваться пейзажами. Все, что он видел, это дорогу под ногами и горы, тянущиеся одна за другой. Он не знал, куда они идут. Неужели дом дяди находится в глубоких, старых горах?

Извилистые горные тропы быстро истощали силы. Поднявшись на еще один холм, Чэнь Чуян то и дело оглядывался. Лю Цюньфэн понял, снова наклонился, и Чэнь Чуян, прикусив губу, смущенно опустил корзину в его короб.

Без корзины он мог использовать обе руки, чтобы цепляться за траву и камни, и его шаг, наконец, немного ускорился.

Примерно через два часа Чэнь Чуян уже не мог сдерживаться. Он с надеждой посмотрел на Лю Цюньфэна: «Мы скоро придем?»

Чэнь Чуян за всю жизнь никогда не был в уезде. Самое дальнее место, где он бывал, это город, куда от его деревни всего полчаса пути. Но сейчас он шел уже два часа, и все время по горной дороге. Он был измотан.

«Давай отдохнем», — Лю Цюньфэн привязал поводья мула к выступающему камню на обочине и достал из седельной сумки мешок, высыпав половину его содержимого на землю.

«Ты и мулу взял сухой паек?» — Глядя на кукурузное зерно на земле, на усталом лице Чэнь Чуяна появилось удивление.

Разве можно так хорошо относиться к скотине? Кругом столько травы, это и есть его корм. А тут ему еще и специальный корм приготовили.

«Чтобы у человека были силы, он должен хорошо питаться. С животным то же самое. Ешь, Дацин, ты сегодня устал», — Лю Цюньфэн погладил своего мула, затем сел, готовясь поесть, и протянул флягу Чэнь Чуяну.

«Выпей немного воды. Пей медленно, горлу станет легче». От усталости человек дышит тяжело, и горло пересыхает. Вода поможет.

Чэнь Чуян взял флягу, сделал два маленьких глотка и вернул ее Лю Цюньфэну. Тот взял ее и отпил большими глотками.

Чэнь Чуян сел прямо на обочине, прислонившись к камню. Он оглядел сухую листву вокруг и пожелтевшую траву, а затем перевел взгляд на кукурузное зерно. Он украдкой посмотрел на человека рядом.

Он никогда не видел никого, кто был бы так добр к животным. Этот мужчина был действительно хорошим человеком. Он был так добр к животным. Что бы ни случилось в будущем, он точно не станет его бить.

После отдыха им снова нужно было идти. Глядя на, казалось, бесконечную горную дорогу, Чэнь Чуян мог только вздыхать.

Его шаг становился все медленнее. Прошел еще час, и у Чэнь Чуяна совсем не осталось сил. Он чувствовал, что его ноги налиты свинцом и он не может их поднять.

Ему казалось, что они шли целый день, но почему небо еще такое светлое? Судя по всему, еще только начало часа вэй (13:00 – 15:00).

«Мы скоро придем к дяде?» Так устал, правда, так устал. Чэнь Чуян всхлипнул, его лицо было измождено, и он остановился.

«Пройдем еще немного, впереди есть горный источник. Остановимся, умоемся, и ты взбодрись». Лю Цюньфэн, конечно, тоже устал, но он привык к долгим поездкам и мог держаться.

Чэнь Чуян был так измотан, что услышав «еще немного», подумал, что дом дяди уже рядом. Он возбужденно сделал шаг, но услышав остальное, тут же снова впал в уныние.

Понимая, что Чэнь Чуян совсем выбился из сил, Лю Цюньфэн посмотрел на небо. Время было еще раннее, они смогут хорошо отдохнуть.

Напившись родниковой воды и наполнив флягу, Лю Цюньфэн поставил ее в сторону и умылся. Чистая, сладкая горная вода освежила его.

«Чуян, иди, умойся, это очень приятно». Камни по обе стороны источника были гладкими, вероятно, потому, что путники часто здесь останавливались, и годами вытаптывали это место.

Лю Цюньфэн умылся, отошел и сел на траву. Он достал сухой паек и, жуя, наблюдал за Чэнь Чуяном.

Чэнь Чуян осторожно зачерпнул воду и попил. Ему стало намного легче. Родниковая вода, только что вытекшая из-под земли, отличалась от той, что была во фляге. Она была бодрящей, и он почувствовал прилив сил.

Он выпил еще несколько глотков, потом, как и Лю Цюньфэн, умылся и сел рядом.

«Ешь», — Лю Цюньфэн ел кусок вяленого мяса и предложил один Чэнь Чуяну. Чэнь Чуян жевал мясо и смотрел вперед. Вдруг он подумал, что свекровь и муж его обманули. Наверное, до дома дяди идти целый день, а не несколько часов.

«Муж, я так устал», — Чэнь Чуян неосознанно произнес то, что было у него на сердце, жуя мясо. Он даже не понял, что сказал.

Лю Цюньфэн, который тоже ел мясо, остолбенел, услышав слово «Муж».

Если он не ошибается, этот парень вообще его никак не называл: ни «Муж», ни по имени. Видя усталое и ошеломлённое выражение его лица, Лю Цюньфэн понял, что именно так он звал его в глубине души.

«Отдохни немного. Закрой глаза и подремли минут пятнадцать. Я тебя разбужу». Лю Цюньфэн дожевал последний кусок мяса, встал, взял с мула одежду, вернулся к Чэнь Чуяну и похлопал себя по ноге.

«Спи, еще рано, можешь немного поспать».

Чэнь Чуян был так измотан, что возможность отдохнуть была благом. Он почти не колебался и кивнул. «Тогда, муж, не забудь меня разбудить».

Лю Цюньфэн смотрел на человека, который закрыл глаза и положил голову ему на колени. Он тихо пробормотал: «А так называет очень легко, почему же раньше не называл?» Похоже, когда они вернутся, ему придется обсудить с ним вопрос обращения.

Это слово, «муж», звучало очень приятно. Можно взять на заметку. И по имени тоже хорошо, его мать и вторая невестка обычно так называют своих мужей.

Лю Цюньфэн тихо бормотал, думая, что человек на его коленях уже уснул. Но он не знал, что Чэнь Чуян, хотя и устал так, что не хотел шевелить губами, не спал. Он просто был слишком измотан и не хотел двигаться.

Он произнес слово «муж» неосознанно, но, произнеся его, сразу пришел в себя. Сначала он немного смутился, но теперь почувствовал облегчение.

Оказывается, можно называть его и мужем, и по имени.

<http://bllate.org/book/14489/1282263>